

АНТОНОВА В. И., ГОЛЯКОВ А. Н.

**ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО КАК ФАКТОР ВОССОЗДАНИЯ
СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫХ И ИСТОРИЧЕСКО-КУЛЬТУРНЫХ
РЕАЛИЙ МОРДОВСКОЙ НАЦИИ**

Аннотация. Автором исследуется мордовское паремиологическое творчество (пословицы, присловья, поговорки и др.), которые широко применяются в современной речи. Паремии являются неотъемлемой частью процессов интеракции, их можно нередко встретить в научных трудах, в художественных и журналистских произведениях. В статье подчеркивается, что паремиологическому творчеству мордвы свойственен широкий диапазон охвата действительности – от глубокой исторической ретроспективы (ранние общественные формации, период мифологического осмысления универсума) до современности.

Ключевые слова: история, коммуникация, народ, нация, осмысление, паремия, период, своеобразие, социокультурный, творчество, реальность, этнос.

ANTONOVA V. I., GOLYAKOV A. N.

**PROVERBS AND SAYINGS AS A WAY OF RECONSTRUCTION
OF SOCIAL-COMMUNICATIVE AND HISTORICAL-CULTURAL REALITIES
OF MORDVINIAN ETHNOS**

Abstract. The authors study Mordvinian paroemias (proverbs, sayings, etc.) widely used in modern speech. Proverbs are an integral part of the interaction processes as they are regularly used in scientific, literary, and journalistic works. The study proves that Mordvinian paroemias cover a wide range of realities – from the early social formations (the period of mythological understanding of the universe) to the present.

Keywords: history, communication, people, nation, reflection, proverb, period, identity, socio-cultural, creativity, reality, ethnos.

Историческая реальность различным образом преломилась в разных фольклорных и, в частности, паремиологических жанрах. Соответственно, историческая реальность должна быть восстановлена с учётом знания закономерностей интерпретации этой реальности тем или иным жанром, учитывая объект, выделяемый им из действительности, анализируя основную функцию жанра, способ его воспроизведения и исполнения, основное его предназначение.

Особенность паремиологического способа изображения состоит в отсутствии развернутых сюжетных эпических или образных сцен и картин. История в пословице, например, может быть выражена через этнографические реалии, присутствующие в составе её образности; через напоминание или апелляцию к историческому факту, имевшему место;

через установку, идею, являющуюся продуктом определённого уровня развития общественного и индивидуального сознания, господствующей идеологии. «Национальное своеобразие афористического фольклора, прежде всего, выражается, – пишет В. П. Аникин, – в присущем каждому народу особом взгляде на действительность, в особом, исторически складывающемся, восприятии мира, в характере социальных и поэтических обобщений» [1, с. 12].

Исторический анализ пословиц позволяет выделить в них различные аспекты. Некоторые тексты могут быть порождением ранних исторических эпох, например, отражением периода, когда в жизни общества еще живы пережитки матриархального устройства. Данные пословиц позволяют нам судить о древнем религиозно-мифологическом периоде осмысления мира, возникновение классового общества с присущими ему противоречиями не могли не найти отражения в паремиологическом творчестве.

Существование рабства, противоречия эпохи возникновения и развития ранних форм феодализма, смена религий и отношение к религии и её служителям – весь этот материал в мозаичной форме, форме упоминаний. Они могут быть рождены различной социальной средой и отражать взаимно противоречивые взгляды и нормы.

«Кода шкайсь мярьги, ста и ули» [8, с. 231]. – «Как бог скажет, так и будет»; «Пазонть нужанзо весеменень сатыть» [3, с. 244]. – «Божьей нужды и горестей всем хватит»; «Панэнь ознамась – шкань ютавтома» [3, с. 243]. – «Богу молиться – себя мучить»; «Икельде – цера, удалдо – ава. (Попось)» [3, 222]. – «Спереди – мужчина, сзади – женщина».

Определённый пласт мордовских загадок, пословиц, поговорок отразил социальные противоречия, свойственные обществу. Социальный антагонизм угнетенных сословий и угнетателей воплотился в следующих пословицах:

«Кие козя, ся и азор» [8, с. 231]. – «Кто богат, тот и хозяин»; «Беднайсь тисы – козясь сивсы» [8, с. 229]. – «Бедный делает – богатый берет»; «Кие бояронь уре, сень кирьгазо суре» [7, с. 308]. – «Кто барский раб, у того шея как нитка»; «Козясь локшенцка рвяяфтсы» [6, с. 84]. – «Богатый и кнут свой поженит»; «Козясь – пирга, ашусь – мирга» [7, с. 309]. – «Богатый – по пирам, бедный – по миру».

С развитием производительных сил, формированием более высоких по сравнению с патриархально-общинными формами общественно-экономических отношений, появляется новый взгляд на социальную верхушку. Князь (инязор, оцязор, каназор) не воспринимается более как покровитель и защитник общества. Возникает понимание несоответствия его высокого социального общественного статуса и личных достоинств, например:

«Пургинесь инязоронтькак вакска а юты» [7, с. 305]. – «И над царской головой гром гремит»; «Солдатсь оязоронь кядьса» [8, с. 236]. – «Солдат в царёвых руках»; «Шкайти аф куцеват, оязорти аф эцеват» [7, с. 316]. – «До бога не поднимешься, до царя не доберёшься».

Тяжёлая участь обездоленных крестьян также выразилась в пословицах:

«Кона кудосо арась алаша, тосо нужась азор» [8, с. 227]. – «В доме без лошади нужда хозяйничает»; «Аньцек тундась сай – ашусь сумканцты кундай» [6, с. 81]. – «Весна наступит – бедняк суму свою наденет»; «Аш кудоц аш дворонц, аш и кшинь короц» [6, с. 78]. – «Нет у него ни избы, ни хлева, нет ни куска хлеба»; «Беднайть ведняцка ломань эшиса» [8, с. 230]. – «У бедного и вода в чужом колодце»; «Зепонзовок нуждада пяхксет» [4, с. 104]. – «И карманы нуждой полны»; «Баярсь – охотас, а сокайсь – паксяв работас» [8, с. 230]. – «Барин – на охоту, а крестьянин – в поле на работу».

В текстах мордовских пословиц нашло отражение и отношение к служителям культа, духовенству. В пословицах и поговорках высмеивается меркантилизм, жадность и лицемерие священников, не собирающихся следовать истинам, проповедуемым ими народу, например:

«Попсь живстонга и кулостонга кедь ваткай» [3, 134]. – «Поп с живого и с мертвого дерет»; «Вор салы кедьсэ, попось – кельсэ» [3, 134]. – «Вор ворует руками, а поп языком»; «Попть аф эряйхть сдачанза» [8, 119].

Ненависть к служителям религии нашла отражение в текстах:

Аньцек идь шачи – «Вай, вай!», а попсь – «дай, дай!» [8, с. 229]. – «Ребенок родится – «ай, ай!», а попу – «дай, дай!»; «Икеле пельде паваза, удалдо ванозь – идемевсь» [8, с. 229]. – «Спереди посмотришь – икона, сзади – черт».

Определённый пласт мордовских паремий служит отражением мифологических воззрений, имевших место у мордвы на определённом этапе исторического развития. Паремии не могут воспроизвести, в силу своей краткости, мифологические воззрения мордвы во всём их объёме. Многие сохранившиеся пословицы, созданные на уровне мифологического осмысления действительности, подверглись позднее изменению. Как известно, миф историчен и представляет собой отражение определённого этапа развития человеческого мышления, определённый уровень развития производительных сил, социально-экономической подосновы общества. В соответствии с этим утверждением находятся сведения о значительной по роли в общественной и экономической жизни мордвы, по объёму и месту мифологических представлений о божествах:

«Кудонь кирдись кодат вечки, истят кочки» [8, с. 233]. – «Домовой каких любит, таких и выбирает»; «Вирьге етак – вирявада потак» [7, с. 306]. – «По лесу пройди, но Виряву обойди»; «Цебярь юрхтава аф кирди пирьф шава» [8, с. 237]. – «Богиня двора добра – хлевы полны скота».

Паремии в одних случаях могут содержать дополнительные штрихи к уже существующим моделям тех или иных объектов, подчеркивать их отдельные признаки и черты, помогают восполнить редуцированные временем представления, отражают исторический процесс переосмысления мира. Учёным известна социально-организующая роль произведений фольклора, в том числе и паремий – пословиц, поговорок. В бесписьменном обществе они выполняли ту роль, которую на высших стадиях выполняют литература, философия, наука. В пословицах отразилась и такая область традиционной культуры, как общение: установки и принципы, правила и рекомендации, связанные с регуляцией поведения. Будучи не писаным кодексом правил и установок идеальных форм и норм поведения данного народа, этноэтикет преобладающей степени трансформируется через фольклор, синкретический коммуникативно-информативный канал передачи традиций этнокультурной общности. Пословицы, благодаря своим жанровым особенностям, более чем другие фольклорные формы соответствовали функции объективации и трансформации правил и предписаний коммуникативного поведения.

Выдающийся мордовский фольклорист и литературовед К. Т. Самородов писал: «Пословицы, присловья и поговорки широко бытуют в речи и стали её неотъемлемой частью. Их можно встретить и в научных трудах, и в художественных произведениях. И всякий раз умелое использование пословиц и поговорок помогает более ярко и образно выразить мысль, раскрыть красоту и точность языка, его неотъемлемые богатства. Они делают речь живой и выразительной, краткой и меткой, ясной и понятной... Все эти качества пословиц и присловий (краткость, меткость, выразительность) дают возможность народу запоминать их и передавать из уст в уста, из поколения в поколение, выражая в них мысли и чувства, чаяния и ожидания, – вот почему они вечно живы, как народные песни, сказки и другие великие творения человеческой мысли...» [4, с. 5].

Тематическое богатство пословиц и поговорок определяется многообразием жизненного материала, ставшего основой этих произведений. Пословицы неразрывно связаны с жизнью и бытом их творцов и носителей, поэтому на основе пословичного материала можно проследить своеобразие отражения в них различных исторических периодов, событий, характерных особенностей труда и быта людей в разные времена. Сам народ, создавший многочисленные пословицы и поговорки даёт им очень высокую оценку, выражая её в тех же афористических образцах:

«Валмуворкофтома корхтамась, кода салфтома лямда коршамась» [4, с. 119]. – «Речь без пословицы, что щи без соли»; «Валмуворксфтома аф эриват: соньфтемонза периват» [6, с. 112]. – «Без пословицы не проживёшь: без неё никуда не уйдёшь»; «Цебярь валсь – ярмакта питни». – «Хорошее слово – дороже денег».

Своеобразие мордовских пословиц и поговорок и их отличие от других жанров мордовского фольклора заключается в том, что они, кроме обличения и осмеяния, имеют большую познавательную ценность. Оценивая действие и поведение человека, они или утверждают, или отрицают определённые нравственные качества. Сопоставление тех или иных свойств предметов, явлений, характерных черт человека помогает не только понять народное представление о жизни и её истинной цели, но и активизировать свои действия против всего несурового, встречающегося в реальной действительности.

В поучительных и критических пословицах и поговорках значительная роль уделяется лукавому, иносказательному обращению, иронии и насмешке. Недаром мокшанская пословица гласит: «Марлюста сьват марь, а кузста – кузмарь» [8, с. 220]. – «От яблони – яблоко, от ели – шишка»; «Кичкор кштирь аф шары» [8, с. 16]. – «Кривое веретено не вертится»; «Врьгазсь понанц кайсесы, а промозонц аф полафнесы» [4]. – «Волк шерсть меняет, а повадки – никогда».

Следовательно, кроме буквального значения она имеет и скрытый смысл. Вторичное смысловое содержание пословицы заставляет вникать в глубину сформулированной мысли и делать соответствующие выводы и умозаключения. Сатирическая насмешка в пословицах в основном нацелена на раскрытие наиболее характерных черт изображаемого объекта, на его отличие от общепринятых норм поведения. Такая контрастность часто достигается преувеличением отдельных частей тела человека, что помогает представить не только внешний, но и внутренний облик создаваемого образа.

Многочисленные образы мокшанских народных пословиц и поговорок выделяются критическими, осуждающими характеристиками и осмеивающими отрицательные проявления в моральном облике людей. В народе понимали, что остроумие – это оружие разоблачения и осмеяния бытовых осуждаемых в народе явлений, таких как лень, ложь, жадность, стяжательство, щегольство и т.д.

«Жаднай инжись сай кафта пильгса, а туй – ниле пильгса» [4]. – «Жадный гость приходит на двух ногах, а уходит на четвереньках»; «Щегольхне синць эсь пряснон кельгсихть» [6]. – «Щеголи сами собой любят»; «Фкя трешникть инкса церькав пряста комоти» [4, с. 29]. – «За копейку с колокольни бросится».

Острым и метким словом мордовский народ клеймит воров, болтунов и других людей, проявляющих себя с худшей стороны. Пословицы и поговорки о ворах не так многочисленны, но они верно отражают ироническое отношение к ним: «Ворть кржа корхтай кялец, да лама салай кядец» [2, с. 158]. Как видно из вышесказанного, для убедительности характеристики умело подбирается образная деталь какого-либо животного, но чаще всего собаки. В этих высказываниях заключена интересная по содержанию трактовка мысли. Основное внимание

обращается на их глаза и руки. Глаза ненасытные, большие, завистливые, а руки ловкие, способные схватывать всё, что хозяину угодно. Вор сравнивается с собакой, потому что она, несмотря на лояльное поведение, способна в какой-то момент украсть, укусить, приносить некоторую боль и вред. Вор же, в свою очередь, может украсть при благоприятных для него возможностях. Кривые, загребущие, длинные руки указывают не на недостаток физиологии, а на нравственное поведение человека. Таким образом, пословицы, с одной стороны, предостерегают, с другой стороны, иронически смеются над таким качеством человека. Народ зло высмеивал каждого, кто выставлял свои недостатки или пороки против утвердившейся народной этики. Для этого использовались все средства народной сатиры и юмора. Но наиболее часто пользовались насмешкой, иронией и намёками.

Пословицы и поговорки дают чёткую и лаконичную оценку всем нравственным сторонам жизни мордвы. Скромность и бахвальство, правда и ложь, ум и глупость, любовь к работе и лень – вот противоположные категории, учитывая которые можно подходить к оценке нравственных качеств мордвы. Комическое своеобразие, его внутренние возможности и эффекты можно проследить по отношению к безнравственным поступкам. Мордва, скромные и застенчивые по своей натуре, не могли терпеть хвастунов. Они не только отвергали бахвальство, но и выставляли пустословов на всеобщий смех: «Кяльса меленцякс яжай, а почфт аш». – «Языком как мельница мелет, а муки нет»; «Кяльса строяй ош, а кядьса аф тиеви кош» [8, с. 183]. – «Языком город построит, а руками шалаша не сделает»; «Лаборды – бта шава парь калдорды» [8, с. 182]. – «Словно пустая кадушка гремит». Бытование таких насмешливых пословиц среди трудящихся можно объяснить тем, что подобные выходки были чужды трудовому народу. Поэтому он то открыто, то с иронией высмеивает всех тех, кто склонен форсить перед людьми речью, внешними данными и состоянием: «Эсонза оцю понда, да прясонза кржа еньда» [5, с. 52]. – «Телом заметный, да умом неприметный». В этих выражениях глупость высмеивается тонко, иронично и остро. Своей сатирической цели пословица достигает потому, что она своё острие направляет на несоответствие физического роста и умственных способностей. Следует заметить, что построение образа глупца или наивного человека в пословицах и поговорках у многих народов проявляется через несоответствие наружности и сущности.

Мордовские пословицы и поговорки неразрывно связаны с повседневной нормой поведения в обществе, которая опирается на установившиеся веками традиции. Они призывают членов общества к порядку, дисциплине, умеренности в своих желаниях, силах и способностях. Многие из предписаний, регулирующих поведение, в одних случаях конкретные указания на предпочтительный поступок, в других случаях объективация принципа нашли отображение в пословицах: «Ломань аф кельгат (сельгат) – ломань еткс аф

тяльгат» [10, с. 116]. – «На людей плюёшь – среди них места не найдёшь»; «Сыре ломань лангсо иля пейде, тонськак сыредят» [3, с. 24]. – «Над старым человеком не смейся, сам старым будешь»; «Цёрась алянцты аф судия» [10, с. 44]. – «Сын отцу не судья»; «Учительсь, кода омбоце родительсь» [10, с. 45]. – «Учитель – второй родитель».

Представляется небезынтересным анализ тематического пласта мордовских паремий, в которых отразилась одна из социальных основ бытия общества – семейные отношения. Одна из типических, ключевых ситуаций, позволяющих составить мнение о вышеназванном отношении к женщине – это поведение мужчины по отношению к жене: «Кальдяв мирдят, кда рвянь кор кирдят» [11, с. 68]. – «Плохой ты муж, коль капризы жены исполняешь»; «Вадря козяйка марто мирдеськак паро» [10, с. 60]. – «С хорошей женой и муж хорош»; «Мирдсь и рвясь – фкя кевонь толхт» [3, с. 70]. – «Муж и жена – искры одного кремня». «Мирдьфтома авась сиротакс ащи».

Представление о роли женщины-хозяйки как источнике счастья, как о центре, вокруг которого сосредоточена вся внутренняя жизнь семьи, от которой зависит честь и благополучие самого мужчины и всего дома, также нашло отражение в пословицах: «Цебярь рва сяват – ризфу кити аф сават» [11, 39]. – «Хорошую добрую жену взять – нужды-горя не знать»; «Нись мирдентень – вить кедь» [10, 36]. – «Жена мужу – правая рука». Уважение к женщине, понимание её значимости в поддержании Общественного статуса мужчины отразились в пословицах: «Еню авась мирдти вий максы, аф енюсь – вий машфты» [10, 38]. – «Умная жена мужу силы прибавляет, а глупая – силы отнимает»; «Вадря козяйка марто мирдеськак паро» [3]. – «С хорошей женой и муж хороший».

Уважение к женщине осознаётся через её роль матери, воспитательницы детей, человека, гармонизирующего семейный быт: «Эйкакшось правты вейке сельведь, авась – кавто» [10, с. 40]. – «Ребенок уронит одну слезу, а мать – две»; «Сардсь пезы идть суронцты, а тядять – седи юронцты» [10, с. 41]. – «Ребенку заноза в палец, а матери – в сердце». Женщина, по представлению мордвы, должна была сочетать в себе ряд качеств, делающих её идеальной хозяйкой. В соответствии с ним, женщина должна была быть щедрой, гостеприимной: «Цебярь ава – мешава (кудсь аф шава)» [10, с. 39]. – «Хорошая хозяйка (жена), что пчелиная матка».

Диахронически паремиологическому творчеству мордвы свойственен широкий диапазон охвата действительности – от глубокой исторической ретроспективы (ранние общественные устройства, период мифологического осмысления) до современности. Одновременно широкий диапазон охвата действительности свойствен паремиям и в синхроническом плане: от отображения нравственно-этических, философских норм в пословицах, до изображения объектов в загадках. Особенность воссоздания историческо-

культурной реальности в пословицах состоит в ее двуплановости – через основной смысл, идею произведения и состав образных реалий, несущих дополнительную историко-этнографическую информацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникин В. П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. – М.: Учпедгиз, 1967. – 240 с.
2. Беззубов В. И. Эрзянь литература. (Хрестоматия для 8 класса). – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1944. – 264 с.
3. Майнов В. Н. Очерк юридического быта мордвы. – СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1885. – 267 с.
4. Мордовские пословицы, присловицы и поговорки / сост. К. Т. Самородов. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1986. – 279 с.
5. Мордовский этнографический сборник: в приложении: Описание села Оркина Саратов. уезда А. Н. Минха / сост. А. А. Шахматовым. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1910. – 848 с.
6. Рукописный фонд кафедры литературы Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева.
7. Сперанский М. Н. Переводные сборники изречений в славянорусской письменности: исследование и тексты. – М.: Императорское общество Истории и Древностей Российских при Московском университете, 1904. – 245 с.
8. Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Пословицы, присловья и поговорки. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1967. – Т. 4. – Кн. I. – 376 с.
9. Фонограмма архива Ордена «Знак Почета» научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Правительстве Республики Мордовия.
10. Paasonen H. Mordwinischen Volksdichtung. – Helsinki, 1939. – Bd II-143.
11. Paasonen H. Mordwinischen Volksdichtung. – Helsinki, 1980. – Bd VII-148.